

УДК 821.112.2

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА КАК ХРОНИКА УЖАСОВ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

А. Т. ТАНАНА

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Т. М. ГОРДЕЁНОК)

Тридцатилетняя война (Dreißigjähriger Krieg, 1618–1648) с особой жестокостью опустошила Германию, принесла разруху, закрепила феодальную раздробленность. Средством быстрого реагирования на трагические события стала литература, в первую очередь, поэзия. По «горячим следам» писали свои стихотворения многие немецкие поэты XVII века.

Тридцатилетняя война – первый в Европе военный конфликт, затронувший практически все страны континента. Немецкие земли не успели оправиться от событий Крестьянской войны (*Deutscher Bauernkrieg*, 1524–1526), как начались новые боевые действия. Вражда развернулась между двумя блоками, представлявшими интересы двух конфессий. В 1608 году была основана Протестантская уния (*Protestantische Union*). Эта сторона поддерживалась немецкими лютеранскими княжествами, скандинавскими странами (Дания, Швеция), а на поздних этапах войны и Францией. В ответ на создание унии немецкие католические княжества и ряд европейских стран – Австрия, Португалия, Испания, Италия и Польша – объединились в 1609 году в Католическую лигу (*Katholische Liga*). За религиозными причинами скрывалась борьба за власть и влияние на европейских территориях. Примером этому служит поддержка католической Франции противоположного блока ради завоевания всей Европы [3, с. 9].

Несмотря на то, что в боевых действиях участвовало немало стран, ареной военных событий стала Германия. Немецкий народ столкнулся лицом к лицу со всеми ужасами и бедствиями войны, вынужден был терпеть насилие, голод и мор. За 30 лет военных действий в немецкой литературе выросло несколько поколений авторов. Первое, так называемое поколение Опица (*Martin Opitz*, 1557–1639), представляют поэты, которые застали мирное время и творили на заре Тридцатилетней войны. Среди них выделяются фигуры Г.Р. Веккерлина (*Georg Rudolf Weckherlin*, 1584–1653), П. Флеминга (*Paul Fleming*, 1609–1640), Ф. фон Логая (*Friedrich von Logau*, 1604–1655), И. Риста (*Johann Rist*, 1607–1667), И.Р. фон Лёвенгальта (*Isaiah Rompler from Löwenhalt*, 1605–1672) и др. Ко второму поколению принято относить поэтов и писателей, родившихся в разгар военных событий и столкнувшихся с их последствиями. Это А. Грифиуса (*Andreas Gryphius*, 1616–1664), Х.Г. фон Гофмансвальдау (*Ch. H. von Hoffmannswaldau*, 1617–1679), Г.Я.К. Гриммельсгаузен (*H. J. Ch. Grimmelshausen*, ок. 1622–1676) и др.

Особое место в поэзии о войне занимают стихотворения, в названии которых указан год написания, например, «Новогодняя ода 1633» (*Neujahrsode 1633*) П. Флеминга, «Слёзы отечества, год 1636» (*Tränen des Vaterlandes. Anno 1636*), «На завершение года 1648» (*Schluß des 1648sten Jahres*), «На начало года 1650» (*Auf den Anfang des 1650sten Jahres*), «На завершение года 1650» (*Schluß des 1650sten Jahres*) А. Грифиуса. Таким образом поэты вели своеобразную военную летопись и фиксировали то, что происходило в Германии в конкретный год.

Схожими по тематике и проблематике являются произведение «Новогодняя ода 1633» Флеминга и сонет Грифиуса «Слёзы отечества, год 1636». Поэты пишут об упадке Германии и ее опустошении.

«Новогодняя ода 1633»:
«O du zweimal wüstes Land
Von der Feinde böser Hand» [5, S. 84].
«Край мой! Взгляд куда ни кинь –
Ты пустынное пустынь»
(Перевод Л. В. Гинзбурга)
[1, с. 103].

«Слёзы отечества, год 1636»:
«Wir sind doch nunmehr ganz, ja mehr denn ganz verheeret»
[5, S. 92].
«Мы все еще в беде, нам горше, чем доселе»
(Перевод Л. В. Гинзбурга) [1, с. 47].

Также оба автора говорят о разрушении городов и поселений, о страданиях людей. Например, в «Новогодней оде 1633» читаем:

«Deine Dörfer sind verbrannt,
Deine Mauren umgerannt,
Deine Bürger sind verzagt,
Deine Bauren ausgejagt» [5, S. 84].

«Наши села сожжены,
Наши рати сражены,
Наши души гложет страх,
Города разбиты в прах» (Перевод Л. В. Гинзбурга)
[1, с. 103].

Для усиления эмоционального фона Флеминг использует здесь повторы «deine». Таким образом автор обращается к своей обедневшей стране, под которой имеет в виду своих соотечественников.

Л.В. Гинзбург вместо местоимения «твой» обратился к местоимению «наши», тем самым подчеркивая, что война – общая трагедия немецкого народа. Похожая строфа есть и у Грифиуса:

«Die Türme stehn in Glut, die Kirch' ist umgekehret,
Das Rathaus liegt im Graus, die Starken sind zerhaun» [5, S. 92].

«Башни стоят в огне, церковь взбудоражена //
Ратуша в ужасе, сильные избиты»²⁰⁵.

И Флеминг, и Грифиус поднимают в своих поэтических сочинениях тему голода.

«Новогодняя ода 1633»:
«Aller Vorrat ist verzehret,
Alle Kammern ausgeleert,
Alle Kasten sind besucht,
Unsre Schätze hat die Flucht»
[5, S. 84].

«Все запасы поглощены //
Все кладовки опустошены //
Все ящики почищены //
Наши сокровища испарились».

«Слезы отечества, год 1636»:
«Hat aller Schweiß und Fleiß, und Vorrat aufgezehret»
[5, S. 92].
«Поглотили весь пот, труд и запасы».

Однако, если в «Новогодней оде 1633» в заключительной строфе прослеживается ободряющий тон, то в «Слезах отечества» трагизм достигает своей кульминационной точки.

«Новогодняя ода 1633»:
«Trit, was schädlich ist, beiseit!
Hin, verdamte Pest und Streit!
Weg ihr Sorgen, weg Gefahr:
itzund komt ein neues Jahr!»
[5, S. 84].
«Прочь все то, что вредит //
Прочь проклятую чуму и раздор //
Прочь заботы, прочь опасность //
Пусть наступает новый год».

«Слѣзы отечества, год 1636»:
«Doch schweig ich noch von dem, was ärger als der Tod,
Was grimmer denn die Pest, und Glut und Hungersnot,
Dass auch der Seelen Schatz so vielen abgezwungen»
[5, S. 92].
«Но я по-прежнему молчу о том, что хуже смерти,
что ужаснее чумы, огня и голода,
о том, что и душевное богатство утрачено».

Заключительные стихи Флеминга представляют собой новогодний тост с восклицательными предложениями, где лирический герой возлагает большие надежды на приходящий год и выражает веру в скорый конец войны. У Грифиуса же земная жизнь достигает точки невозврата. Поэт считает, что хуже смерти может быть только брэнное низменное существование.

В 1633 году М. Опиц сочиняет поэму «Везувий» (*Vesuvius*), где как и Флеминг в «Новогодней оде 1633» и Грифиус в сонете «Слезы отечества 1636», написанном тремя годами позже, рассказывает о горестях Германии во время Тридцатилетней войны. Опиц и Грифиус независимо друг от друга упоминают в своих стихотворных произведениях окровавленные реки.

«Везувий»:
«Der Ausgang ist schon da. Das bürgerliche Schwerdt
Hat Teutschlandt durch und durch nunmehr fast auf-
fgezehret;
Man hat den schönen Rhein gelehrt gefangen fließen,
Die strenge Donau selbst in neues Joch gerissen,
Die Elbe roth gefärbt, (wer ist, der nicht bereit
Die arme Statt darbey!) dem Ocean gedreut» [7].
«Исход таков. Меч буржуазии /
изрезал Германию практически до конца //
Красивый Рейн вынужден течь в неволе //
Суровый Дунай вырвался в новое течение //
Эльба окрашенная в красный,
(есть те, кто не жалеет / бедное государство!)
стремится к океану».

«Слезы отечества, 1636»:
«Hier durch die Schanz und Stadt rinnt allzeit frisches
Blut.
Dreimal sind schon sechs Jahr, als unser Ströme Flut,
Von Leichen fast verstopft, sich langsam fort gedrun-
gen» [5, S. 92].
«Здесь по окопу и городу всегда течет свежая
кровь //
Уже трижды по шесть лет, как потоки наших рек //
почти остановленные трупами, медленно проби-
ваются дальше».

²⁰⁵ Здесь и далее подстрочный перевод мой. – А.Т.

Опиц указывает конкретные географические названия, в то время как Грифиус использует метафоричное выражение «почти остановленные трупами реки». Такие обстоятельства представляются невозможными в реальном мире, и высказывание поэта может быть принято за гиперболу. Но исторические данные вносят ясность, что в «Слезях отечества» Грифиус, как и Опиц в «Везувии», говорит о реке Эльбе. Так, Ф. Шиллер (*Johann Christoph Friedrich Schiller, 1759–1805*) в «Истории Тридцатилетней войны» (*Geschichte des Dreißigjährigen Kriegs, 1789–1791*) написал: «Чудовищно, ужасно, возмутительно было зрелище, представшее здесь перед человечеством. Оставшиеся в живых выползали из-под груд трупов, дети, истошно воюя, искали родителей, младенцы сосали грудь мертвых матерей. Чтобы очистить улицы, пришлось выбросить в Эльбу более шести тысяч трупов; неизмеримо большее число живых и мертвых стгорело в огне; общее число убитых простиралось до тридцати тысяч...»²⁰⁶ (Перевод Г.В. Синоло) [4].

Веком позже немецкая писательница и историк Р. Хух (*Ricarda Huch, 1864–1947*) в своем труде «Тридцатилетняя война» (*Der Dreißigjährige Krieg*) также указывает: «Подобного не случилось со времен завоевания Иерусалима. Предполагается, что погибло свыше тридцати тысячи человек, лишь несколькими сотнями удалось спасти жизнь. Люди горели, как солома, подвалы и амбары были битком набиты трупами. На груди матерей шпагами, как на вертелах мясо, пронзали детей. Девы бросались с моста в воду, чтобы уберечь свою честь. Эльба повсюду окрасилась кровью и была заполнена мертвецами, простирившимися из воды негнушися руки, словно зывая к небесам о мести за свершение подобных зверств...»²⁰⁷ (Перевод Т. М. Гордеёнок) [2].

В сонете «Слезы отечества, год 1636» следует обратить внимание на выражение «Dreimal sind schon sechs Jahr...». К моменту написания стихотворения Тридцатилетняя война длилась уже 18 лет. Грифиус сознательно раскладывает цифру 18 на множители, потому что три шестёрки – 666 – число сатаны, зверя Апокалипсиса. Удачно на русский язык эту фразу перевел Л.В. Гинзбург – «три шестилетия». Переводчик, как и сам поэт, указал на то, что война пришла не от Бога, а от дьявола.

В апокалиптическом сонете Грифиуса скрывается горькая истина: Тридцатилетняя война оставила после себя опустошенную Германию. Численность империи сократилась с 15–17 миллионов человек до войны до 10–11 миллионов в 1648 году. Число погибших в боях не было особенно велико, и нельзя винить в значительной потере немецкого народа нападения на гражданское население. Это была, прежде всего, чума; условия рабства, эпидемии в городах, переполненных беженцами, в решающей степени усилили ее последствия. Кровопролитная война отбросила численность населения на полтора века назад [9, S. 59].

Лирика А. Грифиуса – олицетворение трагизма немецкой нации. Лишь после окончания Тридцатилетней войны в его творчестве появляются более жизнеутверждающие стихотворения, например, произведение «На завершение года 1648», в котором можно выделить две части. В первой поэт прощается с чудовищным тридцатилетием и как заклинание трижды произносит слово «zeuch hin»²⁰⁸:

«Zeuch hin betrübtes Jahr, zeuch hin mit meinen Schmerzen!
Zeuch hin mit meiner Angst und überhäufften Weh» [5, S. 96].
«Уйди, печальный год, уйди вместе с моими муками //
Уйди с моим страхом и непреодолимой болью».

Во второй части лирический герой ищет утешение в Боге, готовит себя к новому этапу в жизни и открывает свою душу для счастья. Земная жизнь уже не кажется чем-то бранным и бессмысленным:

«Herr es ist genug geschlagen.	«Господи, довольно битв //
Angst und Ach genug getragen.	Довольно горя и печали //
Gib doch nun etwas Frist, daß ich mich recht bedencke!	Дай мне немного времени оправиться от этого //
Gib daß ich der Handvoll Jahre	Дай мне горсть лет //
Froh werd' eins vor meiner Bahre.	Чтобы я мог насладиться своей жизнью //
Mißgönne mir doch nicht dein liebliches Geschenke» [5, S. 96].	Не лишай меня своего сладкого дара».

²⁰⁶ «Schauderhaft gräßlich, empörend war die Scene, welche sich jetzt der Menschlichkeit darstellte! Lebende, die unter den Leichen hervorkrochen, herumirrende Kinder, die mit herzzerstreichendem Geschrei ihre Eltern suchten, Säuglinge, die an den toten Brüsten ihrer Mütter saugten! Mehr als sechstausend Leichen mußte man in die Elbe werfen, um die Gassen zu räumen; eine ungleich größere Menge von Lebenden und Leichen hatte das Feuer verzehret; die ganze Zahl der Getödteten wird auf dreißigtausend angegeben...» [8].

²⁰⁷ «Es sei seit der Eroberung Jerusalems dergleichen nicht vorgekommen. Man glaube, daß mehr als dreißigtausend Menschen umgekommen wären, nur ein paar hundert möchten das Leben davongebracht haben. Wie Stroh wären die Menschen verbrannt, die Keller und Speicher steckten voll Leichen. An der Brust der Mutter habe man die Kinder aufgespießt. Jungfrauen hätten sich von der Brücke ins Wasser gestürzt, um ihre Ehre zu bewahren. Die Elbe sei weithin blutrot und voll von Toten, die reckten die steifen Arme aus dem Wasser, als ob sie den Himmel um Rache für solchen Greuel anschrien...» [6].

²⁰⁸ уйди, исчезни.

В этих строках Грифиус также использует повтор: глагол «gib»²⁰⁹, который выступает контекстуальным антонимом к слову «hinzeuchen». Так лирический герой прощается со злом и впервые получает право на беспечную, спокойную жизнь, полную радости.

Горький опыт Тридцатилетней войны нашел свое отражение именно в поэзии, так как она выступила формой быстрого реагирования на происходящие вокруг ужасы. Л.В. Гинзбург писал об этом: «Стихи немецких поэтов времен Тридцатилетней войны – удивительный пример того, что поэзия способна жить в условиях, казалось бы, исключающих всякую возможность ее существования. Более того: поэзия явилась единственной заступницей и утешительницей многострадального народа, последним прибежищем для всех, кто еще не утратил чести и совести. В эпоху, когда правда почти исчезла из обихода, когда лгали в официальных рескриптах и в дипломатических посланиях, в приказах полководцев и в университетских лекциях, в церковных проповедях и в разговорах друг с другом, люди находили правду в зарифмованных строчках стихотворений. Ни одна поэзия тогдашней Европы не сказала такой потрясающей правды, как немецкая» [1, с. 9]. Кроме того, лирика о Тридцатилетней войне не позволила развиваться в полной мере немецкому классицизму, а способствовала становлению и расцвету барокко с его идеями антитетичности, брэнности и шаткости бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург, Л. В. Слово скорби и утешения. Немецкая поэзия времен Тридцатилетней войны 1618–1648 годов в переводах Льва Гинзбурга / Л. В. Гинзбург. – М. Изд. худож. лит., 1963. – 192 с.
2. Гордеенок, Т. М. Тридцатилетняя война и ее осмысление в немецкой литературе / Т. М. Гордеенок // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки. – Новополоцк, 2015. – № 2. – С. 2–9.
3. Поршневу, Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства / Б.Ф. Поршневу. – М.: Наука, 1976. – 436 с.
4. Синило, Г. В. Осмысление войны в немецком барокко и экспрессионизме / Г. В. Синило // Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи: междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т; редкол.: А. А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – С. 91–111.
5. Berger, U. Deutsches Gedichtbuch / U. Berger. – Altenburg: VEB Druckhaus «Maxim Gorki», 1967. – 784 S.
6. Huch, R. Der Dreißigjährige Krieg / R. Huch. – Stuttgart, München: Deutscher Bücherbund, 1988. – 874 S.
7. Literatur: Inhaltsverzeichnis [Electronic resource] / Contumax GmbH & Co. KG, 2022. – Zugriffsmodus: <http://www.zeno.org/Literatur/W/Inhaltsverzeichnis>. – Freigabedatum: 25.08.2022.
8. Schiller, F. Die Geschichte des Dreißigjährigen Krieges / F. Schiller. – Berlin: Holzinger, 2016. – 342 S.
9. Schulze, H. Kleine deutsche Geschichte / H. Schulze. – München: C. H. Beck Verlag, 1996. – 278 S.

---

²⁰⁹ Дай.